

Ирина Григ

ВОСПОМИНАНИЯ
БЫВШЕЙ БАКИНКИ,
ИЛИ ВАРИАЦИИ НА
ТЕМУ «1001 НОЧЬ»

Ирина Григ
Воспоминания бывшей
Бакинки, или Вариации
на тему «1001 ночь»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69576913
SelfPub; 2023*

Аннотация

В мемуарах прослеживается история любви двух известных людей на фонетрагических событий-геноцида армянского народа. Проживая эти события в разный временной период и в разных странах, они, преодолевая испытания, добиваются больших успехов в творчестве и, в конечном итоге, много лет спустя встречаются во Франции.

Содержание

Мама	4
Дедушка	14
Мама	40
Жак	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ирина Григ

Воспоминания бывшей Бакинки, или Вариации на тему «1001 ночь»

Мама

Самолёт устало шел на посадку. Вот уже замерцали внизу огоньки большого неугомонного города. Мы втроём сидим в самолете и, с тревогой поглядывая в окно иллюминатора, думаем каждый о своем. За три часа перелета никто из нас не проронил ни слова. Мы с мужем иногда украдкой посматриваем на маму. Нам больно и страшно, мы не можем еще осознать и поверить, что всё это происходит с нами наяву.

Что все эти 3 часа мы находимся не у экрана, с напряжением и тревогой следя за действием жуткого американского боевика, а реально летим в самолёте, который уносит нас с мест, где сцены разворачивающихся событий ничуть не уступают сценам из подобных блокбастеров. Нам страшно и невыносимо больно. Но молодость и возможность вырваться, оставив весь этот кошмар позади, вселяет уверенность в завтрашнем дне.

Место, которое мы покидаем, я не любила никогда. Желание из него вырваться зародилось во мне давно и окончательно окрепло за годы моей учебы, вдали от него. Думаю, что и муж мой, несмотря на любимую работу, успех и комфортное существование на сцене театра, в котором он последние два года служил, покидал этот город без особого сожаления. Мы были молоды и неизвестность, маячившая вдали, нас не пугала.

* * *

Но что испытывает сейчас мама? Так хочется проникнуть в этот бездонный и потухший взгляд! Каково сейчас ей, моей дорогой и любимой? Её взгляд устремлён вперёд и кажется безмятежным со стороны, и только лёгкое подёргивание верхней губы выдает бурю эмоций, скрытых за этим внешним спокойствием. «Мама», – обращаюсь я к ней, – «всё будет хорошо». Она молча кивает головой, продолжая смотреть перед собой. «Больше никогда», – тихо произносит она. «Что ты сказала»? – пытаюсь я завести разговор. «О чём ты? Да, надеюсь, что этот кошмар остался позади». «Мы никогда больше не вернёмся туда» – устало повторяет она. Я молчу, мне её безумно жаль.

«Какое сегодня число?», – неожиданно мама поворачивает ко мне лицо. «25 декабря» – отвечаю я ей. «А где-то в Европе сейчас отмечают Рождество» – тихонько выдыхает она.

Мне очень хочется сказать ей, что, возможно, очень скоро настанет тот день, когда и мы будем сидеть в красивом доме где-нибудь в Лондоне или Париже, возле светящейся разноцветными огнями ёлки, пить хорошее вино во Славу Господа нашего и вспоминать весь этот кошмар, как страшный сон. Так хочется обогреть, утешить, вселить в неё мою уверенность, что всё именно так и будет. Когда-нибудь...

«Мы выключаем освещение в салоне» – заученным серым тоном произносит стюардесса... Через несколько минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту Шереметьево...». Я закрываю глаза. Эта фраза пульсирует в моей уставшей голове, заставляя всплывать в памяти самые далёкие воспоминания.

* * *

Я родилась в Баку. Согласно некоторым персидским источникам, перевод названия – «Город ветров» – вполне оправдывал эту версию. Знойное лето и пронзительные зимние ветры были, пожалуй, самой главной причиной моей нелюбви к этому городу. Многие считали его красивым. И до сих пор бывшие бакинцы, разбросанные по всем уголкам Земного шара, постоянно вспоминают Баку и с ностальгией рассказывают о нём, как о самом красивом городе мира. Возможно это преувеличение связано с их болью от потери места, где они родились и выросли, где прошли лучшие их го-

ды, юность и детство. Место, которое в силу трагических событий 90-х им пришлось покинуть, и куда им никогда больше не придётся вернуться. Беззаботная, прекрасная пора для них навсегда осталась в этом прибрежном городе, который все они считали своей Родиной.

Мое же восприятие Родины никогда не была связано с местом, где когда-то, по замыслу нашего великого создателя, мне посчастливилось появиться на свет. Разумеется, в пору моей бесшабашной юности, размышления на тему принадлежности к той или иной конкретной местности и пожизненной связи с ней, как следствие моего в ней рождения, меня ещё не беспокоили. Мое понимание Родины придет значительно позже, когда эта «Родина», постепенно отталкивая меня от себя, повернётся ко мне всем своим нелюбезным задом и вытеснит любовь к ней из моего сердца навсегда. И сегодня я, не колеблясь, могу с радостью утверждать, что Родина для человека это место, где ему хорошо и спокойно. Место, которое поглощает тебя целиком, заставляя скучать по нему, даже в самом красивом уголке нашей планеты.

По Баку же я не скучала никогда.

Напротив, мне всегда хотелось вырваться из этого уютного и не ритмичного мне города. И по счастливой случайности, которую тогда, будучи слишком юной и наивной, я не могла по достоинству оценить, в 19 лет мне представилась такая возможность.

В тот год эта счастливая случайность казалась мне величайшей трагедией. Моя национальность помешала мне набрать достаточное количество баллов для поступления в Бакинский Институт Иностранных Языков. Как сегодня помню тот злополучный день, когда мама, взяв меня за руку, решительно направилась к ректору за разъяснением, почему это вдруг её талантливой дочке, прекрасно владеющей английским языком, не хватило полбалла для поступления в их учебное заведение. Ответ Ректора врезался в мою память навсегда и поставил жирную точку в этом неудачном романе между мной и чуждой мне "Родиной".

"Дорогая Наиля-ханум, мой вам совет – поменяйте ей фамилию на Вашу, и мы Вас будем поздравлять", – без обиняков нагло произнесла Ректор.

Годы спустя, когда я уже буду жить в милой моему сердцу Франции, мне придётся частенько встречать людей, которые с пеной у рта будут доказывать, как здорово всем жилось в интернациональной стране под названием Азербайджан, где людей никогда не интересовала национальность их соседей, друзей, знакомых, где доминировала общность «бакинцы», я с горечью буду вспоминать этот эпизод.

Погоревав немного, я полечу навстречу самой прекрасной поре в моей жизни, в замечательный русский город Воронеж, который примет меня с распростертыми объятиями и подарит мне пять лет незабываемой атмосферы студенчества, новых друзей и замечательных, бесконечно мудрых и высоко-

профессиональных учителей.

Этот подарок судьба преподнесёт мне в мои 19.

И я всю свою жизнь буду благодарить тот самый день, когда моя фамилия не понравилась какому-то ущербному бакинскому националисту, и он, с радостью поставив мне на последнем экзамене четвёрку, вместо заслуженной пятерки, дал мне шанс не поступить в Бакинский Институт Иностранных Языков и, наконец-то, вырваться из Баку. «Если моя фамилия мешает мне чувствовать себя комфортно и счастливо в городе, где я родилась и выросла, так я лучше буду жить вдали от этой «Родины» и заслуженно считаться чужой среди местного населения. Но все произошло с точностью на оборот.

* * *

Небольшой, старинный и уютный русский город принял меня как родную. За пять лет моей жизни в Воронеже мне ни разу не дали понять, что я отношусь, к так называемому нацменьшинству, и мне здесь не рады. В чужом, незнакомом мне, городе я была как рыба в воде. Уже на вступительных экзаменах в один из ведущих Университетов Советского Союза я ощутила на себе мягкость и доброжелательность местных жителей к приезжающим учиться со всех стран мира. Помню, как радостно забилося мое сердце, когда после моего эмоционального ответа на экзамене по истории педагог

с улыбкой произнес: «Я впервые слышу такое грамотное и красивое изложение от абитуриента из Закавказья».

А нас из Закавказья было немало.

В 80-х годах в Воронеж приезжали студенты из разных стран. Кого только не встречала я здесь за годы моей учебы! Американцы, французы, англичане, болгары, венгры, чехи, немцы, не говоря уж о многочисленной чернокожей братии со всех стран Африки. И все здесь чувствовали себя желанными и своими.

Здесь, в Воронеже я встречу такую же девушку из Закавказья, которая станет мне близкой подругой на всю жизнь. Здесь я найду близких и созвучных моей душе людей; моих любимых педагогов, связь с которыми я буду поддерживать еще долгие годы, даже когда уеду насовсем, далеко за пределы СССР.

* * *

Но это будет потом, а пока... мы летим в неизвестность.

Мы летим в столицу СССР, которому тоже в самое ближайшее время предстоит великое испытание: он рухнет, рассыпавшись на мелкие государства, к радости одних её граждан и к великому огорчению других.

Но наша семья уже будет далеко и не увидит трагических событий, которые приведут к распаду этой Великой Империи.

В Москве нас ждали друзья. Чудная семья Крейндлиных-добрейшие и великодушные люди. Они с волнением следили за всем, что происходило в Азербайджане и, не раздумывая, протянули нам руку помощи.

В их небольшой трехкомнатной, но очень уютной квартире на Кутузовском проспекте, проживали четверо человек, и нас встретили как членов семьи. Окружили теплом и вниманием, старались подбодрить и помочь, чем могли. И сегодня мы частенько вспоминаем неповторимые вечера на маленькой кухоньке, где собирались члены семьи и их многочисленные друзья. Даже, несмотря на тесноту, было уютно и весело. Думаю, мало найдется людей, которые могли бы, в ущерб себе, разделить крышу и кров с даже с роднёй. Наша благодарность этой семье бесконечна!

* * *

Мы с мужем в первый же день подали заявление в американское посольство, рассчитывая получить статус беженцев и уехать в США.

С трудоустройством в Москве вопрос решился быстро.

Учитывая заслуги мамы, ей сразу же предоставили возможность работать в балетном коллективе. И мы тоже, спустя несколько дней после приезда, оказались при деле в одной из первых американско-советских компаний «АСК».

Основная проблема была с жильем.

В те времена существовала система прописки, и мы, как и все приезжие, были обязаны каждые 30 дней отмечаться в милицейском участке, куда нас поставили на учёт как «гостей»! Нас, потерявших жильё, бежавших со своей Родины с тремя чемоданами, в Москве зарегистрировали как «гостей». Невероятный парадокс, возможный только в советской действительности.

Факт нашего пребывания в Москве как беженцев был очевидным. По всем понятным трагическим причинам, перспектива приобрести своё жильё была для нас, на тот момент, нереальной. Но в участке, вероятно, работали иные законы и иные люди. И однажды, когда мы с мужем опоздали (на день!) с регистрацией, нас «любезно» попросили заплатить штраф. Это была последняя капля в чаше общей несправедливости, которую нам пришлось пережить. Мой муж, русский по национальности, в своей собственной стране платит штраф, потому, что его, вместе с женой армянкой, выперли из удивительно «интернациональной» азербайджанской республики, где мы оставили прекрасные квартиры, всё нажитое имущество, и, спасая свою жизнь, бежали к его братьям по крови, рассчитывая на приют и помощь. И мой русский муж должен платить штраф за опоздание на день с регистрацией в статусе «гостя»!

Это была последняя капля, переполнившая наше терпение. «Если ты гость в собственной стране, и власти отказываются понимать ситуацию, когда с тобой случилась беда, так

лучше быть гостем в стране чужой, где ты справедливо будешь считаться гостем» – негодовала я.

Мы были ужасно огорчены и подавлены. Мы любили свою работу, нам даже понравилось жить в этом огромном, жестком и безумном городе, но нас сознательно выталкивали и из него.

Решение уехать как можно быстрее и навсегда мы оба приняли мгновенно и без колебания. К тому времени мамы уже не было в стране.

В декабре 1990 мне удалось найти в Париже её первую любовь, и она улетела к нему, к нашей огромной радости.

История ее знакомства и любви с известным эстрадным певцом, приехавшим в СССР из Парижа в 60-е годы требует отдельной главы. Очень часто, когда мы рассказываем её людям, нам говорят, что это отличный сюжет для кино. Возможно, когда-то кто-то сможет воплотить эти события на экране, но пока я хочу рассказать о них на бумаге, но сделаю это чуть позже.

* * *

А пока... Родилась я в Баку... С родными мне очень повезло. Почти все члены моей семьи добились в жизни больших успехов, и их имена помогали мне открывать любые двери.

Дедушка

Мой дед был известный поэт и переводчик. Он писал замечательные стихи, знал несколько языков, переводил на армянский Пушкина, Лермонтова, Шевченко и, отлично владея фарси, переводил иранских поэтов на азербайджанский язык. Именно ему я обязана своей огромной любовью к литературе.

В его кабинете книжные полки хранили драгоценные тома великих писателей и поэтов, которые учили меня мечтать.

Сам дед, как и его сокровища, был для меня источником знаний, образцом мудрости и мужества.

Самвел Ованесович Григорян родился 22 апреля 1907 года в нынешнем Арцахе, в селе Шош Аскеранского района. Его отец, Ованес Балаевич Израелян, был кузнецом, мама, Маргарит Агванян была домохозяйкой. В 1909 г. отец в поисках работы, перевозит семью в Баку. Деду было 7 лет когда началась Первая Мировая Война.

С первых дней войны его отец, единственный кормилец в семье, ушел на фронт. С этого дня голод и нужда становятся неразлучными спутниками семьи. Он вернётся живым с войны в 1917 году.

27 мая 1918 года партия «Мусават» объявляет прежние Бакинскую и Елизаветпольскую области азербайджанскими. Последующие трагические события в 1918–1920 годах в Ба-

ку, унесут жизни многих армян и не обойдут стороной семью моего деда.

Его мать и старшую сестру на глазах у детей убили ввалившиеся в дом агрессивные националисты. Дедушке и младшей сестре чудом удалось спастись. Позже его отец снова женился, но жизнь с мачехой напоминала кошмар.

Двенадцатилетний Самвел в 1919 году с большими трудностями перебрался на Родину, в Нагорный Карабах. Здесь он живёт со своим дедом, в семье любимого дяди – брата отца, Сеина. Ему нравится ходить в школу, читать книги, открывать для себя новый увлекательный мир знаний, но ему также приходится помогать в доме по хозяйству.

5-го июля 1921 г. новым решением Кавказского бюро РК(б)К Нагорный Карабах был оставлен в составе Азербайджанской ССР с предоставлением широкой областной автономии на маленькой ее части.

* * *

Родом из Арцаха, как и все его предки, мой дед в возрасте 20-ти лет возвращается уже в советский Баку с твердой уверенностью в своих силах и с огромным желанием преуспеть. В те годы Баку еще славился своим интернационализмом и благосклонно раскрывал объятия всем приезжающим в столицу, построенную армянами, независимо от их национальной принадлежности.

Уже в те годы юноша мечтал о стихах, хотя ещё не осмеливался их писать. Его кумирами были Ованес Ованисян, Егише Чаренц, Аветик Исаакян, и, конечно же, Ованес Туманян, которого он всю жизнь считал своим учителем.

Дед рассказывал, как получая первое удостоверение личности, офисный работник, не разобрав его настоящую фамилию, записал – Григорян, надменно произнеся: «Вы, армяне, все Григоряне» Так Самвел приобрел фамилию Григорян.

* * *

Мой дед, талантливый человек с яркой индивидуальностью, проживет долгую и красивую жизнь.

Армянин из Шуши станет Народным поэтом Азербайджана. Долгие годы будет руководить журналом «Литературный Азербайджан» на армянском языке, получит множество медалей и орденов: орден Октябрьской революции, Трудового Красного Замени, Дружбы Народов, «Знак Почёта», и с 1959 года почти до самой своей смерти в 1980 году будет депутатом и членом Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. Думаю, что сегодня ни один армянин не смог бы пробиться и достичь тех высот, которые покорились когда-то, в Баку 40–60х годов, молодому парню из Арцаха. Впрочем, нынче уже нет ни того Баку, ни армян в нем. Как нет, я уверена, и могилы моего деда в «Аллее Почётного Захоронения», где его когда-то похоронили за большие заслу-

ги перед Азербайджанской Республикой.

Самвел Григорян

Семья деда

Я с дедом

Бабушка Мария

Дедушка Самвел

Мой дед

Ненависть азербайджанцев распространялась не только на живых армян, но и на отошедших уже в мир иной. От армянского кладбища в городе не осталось и следа, что уж там говорить о могиле какого-то армянина, позволившего себе вольность-упокоиться среди выдающихся азербайджанцев. Таким образом, желание когда-нибудь вновь посетить этот неблагодарный город, чтобы положить цветы на могилы моих предков, навсегда исчезло из моего сердца вместе с их могилами.

Стирать с лица земли армянские могилы и исторические объекты давно вошло в традицию азербайджанского государства.

Они будут еще не раз прибегать к ней во многих городах Нагорного Карабаха. Варварский, примитивный способ доказывать принадлежность региона Азербайджану, уничтожая факты армянского присутствия в нем с древних времен, и придумывание себе новой истории станет национальным спортом в этой стране.

Маленькой я очень любила приходить в кабинет деда и слушать интересные истории из его детства и юности. Сын простого кузнеца, он получил прекрасное образование и обладал энциклопедическими знаниями. Он рассказывал о жизни великих поэтов, о древней истории его Родины и других стран, читал мне стихи. Я была любимой внучкой и очень

этим гордилась. Подражая деду, я тоже придумывала разные истории, которые его очень забавляли. Позже он будет часенько со смехом вспоминать, как однажды, не желая дожидаться пока он проснется, сгорая от нетерпения, я проскользнула незаметно в его спальню, стала его трясти и требовать очередной рассказ. «Ирочка, радость моя, я умираю как хочу спать» – попытался вызвать у меня жалость дед. «Ну, расскажи пока не умер!» – требовательно произнесла любимая внучка. Он любил, когда я читала его стихи. Особенно те, что были посвящены мне.

«В твоих, я знаю, внучка, жилах
Кровь наших предков говорит.
Уже в твоих глазенках милых
Огонь моей души горит».

Его сын, мой отец, Ваче Григорян, унаследовав от деда литературный дар и, как многие его товарищи, укатил в скором времени покорять Москву. Окончив аспирантуру и получив степень кандидата философских наук, он возглавил редакцию литературы по эстетике в одном из крупнейших советских издательств – «Искусство», где вскоре был удостоен звания Заслуженного Работника Культуры Российской Федерации.

Я всегда восхищалась его эрудицией и умением красиво рассказывать. Помню, как он очень переживал, когда вышел на пенсию. Его огромный творческий потенциал требовал

реализации, и однажды я предложила ему написать книгу. Что он вскоре и осуществил.

Его первый роман-детектив «Ходи осматриваясь» разошёлся большим тиражом, и издательство АСТ сразу же закажет ему следующий роман, который, увы, ему так и не довелось завершить.

Красивый, умный, прекрасно образованный, мой отец ушёл из жизни за месяц до своего 70-летия, которое мы дружно собирались отпраздновать в Москве всей многочисленной роднёй, разбросанной по всему свету волею судьбы.

Мне жаль безумно, что нам редко выпадала возможность общаться, и так много вопросов к нему не дождалось своих ответов.

* * *

Мои родители разошлись, когда мне было лет 8. К тому времени папа уже окончательно обосновался в Москве, а мама, закончив ГИТИС, вернулась в Азербайджан. Пока они оба учились, я жила в Баку, где меня опекали и баловали две бабушки и один дед.

Отец моей мамы и ее родной 18-летний брат погибли во время Великой Отечественной Войны.

На каждые каникулы я прилетала к родителям в Москву. Это был настоящий праздник! Меня водили по театрам, музеям, покупали красивые игрушки и вкусно кормили в сто-

личных ресторанах. После развода мои отношения с отцом, по какой-то неведомой мне причине, постепенно сошли на нет, и только спустя много лет, уже из Парижа я сделаю первый шаг, наберу его номер телефона, и мы оба будем плакать от радости и сожалеть, что так много времени было упущено. К счастью, мы еще несколько лет сможем, хоть и редко, но общаться друг с другом во время моих кратких визитов в Россию и пару приездов его к нам, в Париж, пока смерть не разлучит нас. На этот раз навсегда.

Папа с Филиппом. Париж

С папой в Париже

От второго брака у отца родилась ещё одна дочь, Евгения, с которой нас и по сей день связывают нежные чувства и дружба. Я всегда опекала и любила её и очень рада, что у меня сегодня есть младшая сестрёнка.

Мы с сестрой Женей

Другим примером для подражания для меня была моя мама. Красивая, талантливая, добрая, щедрая, она вызывала у меня чувство восторга и гордости. И, конечно, огромной любви!

Почти все события ее жизни были яркими и необычными и могли стать поводом для отдельного рассказа с интригующим сюжетом. Начиная с самого рождения, и даже ещё до него.

Её родная мама умерла в возрасте 28 лет от роковой ошибки бездарных врачей, оставив сиротами троих детей. Самой младшей из них, моей маме, было всего несколько месяцев от роду. Муж бабушки был жестоким и неотёсанным мужиком, и ей приходилось смиряться с его грубостью и хамством. На руках были уже двое детей, пяти и восьми лет. Страх перед перспективой остаться с ними одной на улице в те времена, в мусульманской республике не допускал даже мысли о разводе.

Её родная сестра, Анна, была счастлива замужем за добрейшей души человеком из богатой и благородной азербайджанской семьи. Единственным поводом для огорчения было отсутствие у них детей. Анна, как могла, поддерживала сестру, в том числе и материально, и, когда она случайно узнала от подруги Сары, что та беременна и хочет сделать аборт, Анна и ее муж тотчас же заявили о своей готовно-

сти усыновить будущего малыша. Судьба оказалась жестока к молодой Саре, её жизнь оборвется, когда маме исполнится год, и сестра Анна со своим мужем удочерят её и будут воспитывать уже троих детей. Через четыре года начнется Великая Отечественная Война, и дедушка Назиров Мамед вместе с 18-летним братом мамы Эдиком, уйдут на фронт, и никто из них не вернётся назад.

Молодая вдова, потеряв горячо любимого мужа, посвятит всю оставшуюся жизнь моей маме, а потом и мне, отвергнув все предложения руки и сердца многочисленных поклонников.

Она будет любить и заботиться о своей дочери, посвятив ей всю себя беззаветно и преданно.

Позже эта любовь перейдет ко мне, и моя бабушка станет для меня самым родным и любимым человеком. К моему огромному огорчению, события 90-х годов в Азербайджане, когда всем армянам придётся бежать из этой страны, спасая свои жизни, лишат меня, как и многих моих братьев по крови, возможности преклонить колени перед могилами наших предков и прошептать этой удивительной, мужественной и великой женщине, моей дорогой бабушке Ане, слова бесконечной благодарности и любви.

Я была нелёгким подростком, бывало и обижала её незаслуженно по глупости в детстве, за что корю себя постоянно, и, не имея шанса прийти на её могилу и принести ей красивый букет, прошу у неё мысленно прощения издалека.

Я очень по тебе скучаю, моя драгоценная, любимая бабушка!

Я с бабушкой Аней. Железноводск

Бабушка Аня с мужем Мамедом

Моя Бабуля

Мама

Мама с детства была очень одарённым ребёнком. Фантазия её была через край, и в дальнейшем это бурное и неукротимое воображение будет очень помогать ей в творчестве. Выбор своей будущей профессии она сделает рано и вполне осознанно.

Закончив хореографическое училище, Наиля устроилась на работу солисткой в знаменитый в те времена коллектив Рашида Бейбутова. В 1957 году им был создан при Азербайджанской филармонии концертный ансамбль, объединяющий стилистику джаза и азербайджанские народные инструменты. Ансамбль постоянно гастролировал по городам огромного Союза, и мама, будучи молодой солисткой, имела возможность разъезжать и зарабатывать, по тем временам, очень хорошие деньги. Но её планы и амбиции рисовали в её богатом воображении иные цели и горизонты.

Мама

В дальнейшем, когда я в какой-то момент своего детства хотела пойти в балет, мама на примере собственной биографии очень точно объяснила мне нецелесообразность моего выбора, и на всю оставшуюся жизнь преподавала мне отличный урок, согласно которому, в искусстве нужно либо быть яркой личностью и занимать первое место, либо не заниматься им вообще.

От природы у мамы не было выдающихся данных для занятия классическим балетом, а заниматься танцем вообще, даже если ты солистка известного ансамбля, в какой-то момент ей стало неинтересно и скучно. Буйная фантазия нуждалась в яркой реализации. К тому времени она уже была замужем за моим отцом, который учился на последнем курсе Бакинского Государственного Университета на факультете филологии.

И мама отправиться на учебу в Москву. Она поступит в один из ведущих ВУЗов страны, Государственный Институт Театрального Искусства, (ГИТИС), на балетмейстерский факультет.

Вскоре её примеру последует и мой отец. Отслужив в армии после окончания Университета, он поедет за мамой в Москву и поступит в аспирантуру МГУ. Таким образом, я на целых пять лет получу уникальную возможность проживания на два города.

Во время учёбы в школе я жила с маминой мамой, и меня баловали две бабушки и один дед. Они всеми способами пытались восполнить временное отсутствие моих родителей. Но, несмотря на их удивительные старания, мне частенько бывало грустно, я очень скучала, особенно по маме. Я с нетерпением ждала каникул, и, когда наступал долгожданный день моего отъезда в Москву, это был настоящий праздник! Бабушка сажала меня в самолёт, поручала стюардессе, и я, перелетев из одной столицы в другую, оказыва-

лась в объятиях любимых родителей.

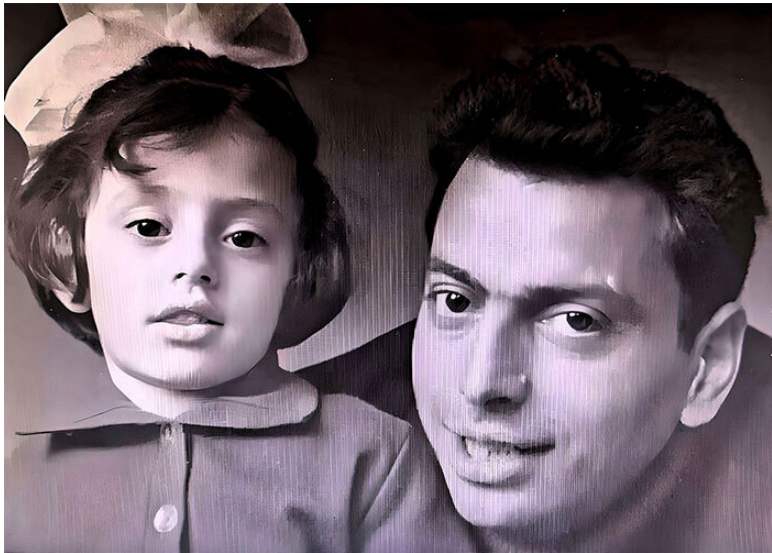
Такое блаженство продолжалось 5 лет, по истечении которых мама, окончив с красным Дипломом институт, решила вернуться в Баку и работать в театре оперы и балета. Её карьера как балетмейстера началась ещё во время учёбы.

Её дипломной работой, балетом «Лейли и Меджнун» на музыку Кара Караева, заинтересовались французы и включили его в программу фестиваля во Франции. Это была огромная честь для молодой студентки, и мама уже воображала как будет лететь в город её мечты со своими артистами и представлять свое детище. Но, тут-то, бдительное око партии и правительства в лице Комитета Госбезопасности пробежало недремлющим оком по её биографии и, сославшись на некогда имевшую место быть в её юности связь с иностранцем, категорически отказалось выпускать юное дарование за рубеж. Спектакль может ехать, но автор останется в стране. Этот жесткий вердикт прогремел молнией посреди безоблачной и радужной атмосферы сборов в поездку.

Чтобы объяснить столь глупое и несправедливое решение такого важного и опасного по тем временам органа власти, мне придется вернуться на много лет назад и ввести в мое повествование ещё одного персонажа, без которого в нашей жизни не было бы счастья, – оказаться в самой лучшей стране, которая заменит мне Родину, – и осветить множество других важных моментов в биографии моей семьи.

Мы с папой. Североморск

Папа и я

Наиля Назирова

Жак

Город М. на юге Турции в середине 19 века ничем особо не отличался от других мусульманских городов, где жили и трудились, наряду с турками, и христианские народы: греки, армяне, малакане и другие. Мануфактурный бизнес Пюзан-та Дувальяна процветал на радость его хозяина и пока ещё не вызывал зависти местного населения. Красивый и статный мужчина, добрый и справедливый, Пюзант в городе и в округе был человеком известным и пользовался уважением, как среди христиан, так и турок. Внешне его вполне можно было принять за турка, да и одевался он как мусульмане и отлично владел турецким языком. В 40 лет, оставаясь холостяком, он был завидной партией, и многие недоумевали, почему такой выгодный жених все ещё не попал под чары достойной девушки. Пюзант лишь отшучивался: не нашёл, мол, еще самой красивой.

* * *

Ерантик в свои 20 была невероятной красавицей, но замуж не спешила, её гордый норовистый нрав никак не желал подчиняться и ставить крест на своей беспечной юности. В семье её любили и баловали.

Однажды она отправилась в соседний городок погостить у своих друзей. Пятилетняя племянница, за которой она иногда присматривала, никак не хотела оставаться одна, и Ера взяла её с собой. Через пару дней до них дошла чудовищная весть, – в её деревне учинён погром, и всю её семью вырезали турки. И скоро погромщики пожелают и сюда.

Убитая горем девушка вместе с племянницей, как и многие жители-христиане, вынуждена была бежать, спасая свою жизнь. Судьба привела ее в город М., где ей удалось найти жильё и устроиться на работу. Нужно было кормить себя и ребёнка, которого Ерантик выдавала за свою дочь. Городок был небольшой, и вскоре слухи о её красоте дошли до ушей Пюзанта Дувальяна. Он нанес ей визит и, влюбившись мгновенно, сделал ей предложение. Жить одной молодой красивой женщине, да еще с маленьким ребёнком в Турции было небезопасно и, взвесив все за и против, юная Ера согласилась стать женой Пюзанта, несмотря на 20 лет разницы в возрасте.

Жену свою Пюзант боготворил. Баловал и носил на руках. Девочку пара удочерила. Несмотря на счастливую семейную жизнь и удачи в бизнесе, постоянные слухи о погромах в соседних регионах очень тревожили молодую семью. Вскоре соседи предупредили Пюзанта о готовящейся резне в М. Его брат также проживал с семьёй в этом городе и помогал Пюзанту в делах. Они вместе, решив бежать, закапывают перед отъездом свои драгоценности в саду и отправляются в Алеп-

по. В этом городе в 1921 году родится у Пюзанта и Ерантик единственный сын, удивительный персонаж и наш ангел-хранитель, Жак Дувальян.

Спустя три года, когда наступило некоторое временное затишье, семья Дувальян возвращается в М. Закопанные сокровища бесследно исчезли. Но оставаться в Турции, которая однажды уже показала свое настоящее лицо по отношению к христианскому населению, было небезопасно, и Пюзант снова решает отправиться в путь.

* * *

Прежде чем окончательно обосноваться во Франции, куда Пюзант всегда мечтал попасть, семья год прожила в Болгарии. Но радоваться обретенной земле отцу Жака было суждено всего лишь пару лет. Заболев туберкулезом, работая на заводе, он умер, когда Жаку исполнилось 7 лет. Перед смертью отец просил Жака заботиться о матери и, несмотря на столь юный возраст, взять на себя обязанности старшего в семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.